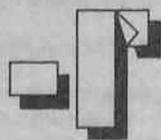

Общая цу. - 1996. - 18 мая. - с 11.

В Берлине оперу слушают даже под дождем

ЛЯНЬ, «Лебединое озеро»!
— Это которое ГКЧП?
— На Красной площади, бывало, оперу пели...
— Это когда Станкевич в бега ударился?

— Чу, Шестая симфония Чайковского!
— Опять кто-то умер...
Докатились. Уже и классиков намертво повязали с нашей умной политикой. Бог шельму метит...

Чтобы страхнуть наваждение, поезжайте в Берлин. Вы забудете о политике и вспомните о жизни. На площадях вам споют Вебера, и это не будет означать, что Германия накануне государственного переворота.

«Волшебного стрелка» давали прямо перед зданием Шауспильхауса с его англичанским портиком; циклопическим Колизеем высился за две ночи воздвигнутый складной амфитеатр для публики, а на ступенях знаменитого концертного зала разворачивалось феерическое действо, ради которого стоило забыть о настырном дожде. Десятки тысяч людей под зонтиками слушали оперу и были совершенно счастливы.

А расклеенные повсюду афиши уже извещали о новой премьере: «Кармина Бурана» на площади Шлоссплатц 28 августа. Сцена 22-метровой высоты вознесет языческую мистерию Карла Орффа (хор, балет, солисты с мировыми именами) над толпой, и будут задействованы все средства свето-, пиро-, лазерной техники.

Опера как современное шоу — почему бы нет? Душа рвется в Берлин 28 августа.

Страна же «Бориса Годунова» перед Кремлем лабаёт исключительно дешёвую попу, ибо только в нее, похоже, и верует. И в окостеневших своих оперных хаусах дает все ту же попу — проще, привычней, кассовой. Что такое Вебер или, того хуже, Веберн, никто не помнит.

Обидно до ужаса.

Для гурмана Берлин — пир души. Три оперных театра мирового класса (каждый равен Большому по значению и далеко превосходит его по размаху творчества) с жадностью библиофилов листают редчайшие страницы оперной истории, обнаруживая множество нам неведомых шедевров. Ощущение не трудной, до пота, постылой работы (у-ух! осилили «Хованщину»! сейчас можно залечь в спячку годика этак на два), а — вольного, почти праздного и во всяком случае праздничного музицирования. Так, для собственного удовольствия. А не спеть ли нам сегодня, друзья, «Калисто» Пьетро Франческо Кавальи? Чудный образчик венецианской оперы XVII века. А как насчет «Необитаемого острова» Йозефа Гайдна? А «Лулу» и «Воцек» Берга?

Раритеты могут держаться в репертуаре десятилетиями — как «Палестрина» Ганса Фитцнера, немецкого классика рубежа XIX и XX веков: огромную, почти четырехчасовую оперную версию жизни и мистических прозрений знаменитого итальянца в театре Дойче опер дают всего раз в год, под финал сезона, но — вот уже почти 35 лет! Все для гурмана, все во имя гурмана, а зал переполнен, и атмосфера события воспламеняет кровь любого театралы. И в фойе продаются на компакт-дисках сразу несколько исполнительских составов этой оперы, о существовании которой у нас догадываются с десяток музыковедов.

На изголодавшихся москвичей редкие оперные премьеры обрушиваются неожидан-

Эскизы Петра Сикоры к опере Пуччини «Турандот». Дойче опер

но и хаотично, планы театров, как государственной секрет, — о них, как правило, не знают даже те, кто обязан их придумывать.

Берлинская театральная жизнь подобна берлинскому автобусному расписанию: и в снег, и в дождь, и в самом маршруте номер сто придет к остановке ровно в 17.02. И потом ровно в 17.12. И так далее. Поэтому уже точно известно, что 8 февраля 1997 года на сцене Дойче опер будет дана премьера «Сусанны» Карлисла Флойда, а с 26 по 30 апреля 1997 года в стенах Штаатсопер Томас Хенгельброт продиржирует «Дидоной» Кавальи. И меломаны предвкушают и полгода с лишним будут жить с этой счастливой мыслью: мы пойдем на «Дидону». И уже теперь высвобождают апрельский 1997 года вечерок.

В ноябре-96 «Беатриче ди Тенда» Беллини с Марчелло Виотти. В мае-97 «Волшебный стрелок» с Зубином Метой и «Лоэнгрин» с Баренбоймом, прогрессившим год назад своим «Фиделио» в Штаатсопер. (Я с наслаждением, близким к мазохизму, перечисляю сейчас эти редкие названия, неземной музыкой звучащие в душе скорбителя оперы, и не могу никак пресечь скорбный список — собрать по несчастью меня поймут и наслаждение, несомненно, разделят.)

«Нам бы их заботы!» — воскликнет по поводу отрегулированных немцев замученный директор Большого театра, понятия не имеющий о том, кто из его солистов к тому времени еще не уедет петь в Барселону или Вену и будут ли у нашей сцены номер один хоть какие-нибудь деньги, чтобы пригласить дирижера X-Y-Z из Братиславы, не говоря о Баренбойме с Метой.

«Что делать, мы не Италия!» — вздохнет московский меломан, практикой приученный к мысли, что российские театры генетически не расположены к большому вокалу.

Русских певцов — и превосходных — в берлинских театрах больше, чем итальянских, и чуть меньше, чем немецких. В Дойче опер в «Турандот» с несмыслимыми, в духе немецкого экспрессионизма декорациями Петра Сикоры мы слушали уже слегка приуставшего от мировой славы Владимира Попова; в Штаатсопер партию Канию с грандиозным итальянским темпераментом пел Сергей Ларин, в Ко-

мисе опер в образе Всеволода Юрьевича из «Китежа» предлагал ученик Ирины Архиповой русский тенор Сергей Найда. Из них лишь Найду слышали посетители Маринки, а остальных — только знагоки из Нью-Йорка, Вены, Болоньи, Лондона, Цюриха... Надеться на гастроли москвичу не приходится: наш Большой театр пока почти не приглашает международных звезд. В то время как большинство крупных сцен мира считает своей труппой всех лучших певцов и музыкантов планеты, выпысывая их хоть из Милана, хоть из Пхеньяна. (Отсюда, к слову, и автобусная точность репертуара, спланированного на годы вперед.)

Оперное братство Берлина напоминает аристократический клуб, открытый для всех желающих. Но — аристократический. Но — открытый. На премьере (билет до 200 марок!) встретишь студентку в джинсах и даму в вечернем. В антракте выяснилось, что пошел дождик — магазинчик в фойе к оперным компакт-дискам, кассетам и либретто несмеленно добавил зонтики. Фундаментальная предупредительность театров к членам братства поражает воображение. Давний кровавый спор наших оперных мэтров о том, на каком языке петь — оригинальном или «страны пребывания», — здесь решили на уровне конца XX века: «Евгений Онегин» и «Борис Годунов» в Дойче опер пойдут в оригинале... немецкими субтитрами! Как, впрочем, уже идут «Бал-маскарад» Верди или «Диалоги кармелиток» Пуленка.

Пора уточнить: то, что мне показалось вольным музицированием с романтическим листанием пропыленных нотных библиотек, на самом деле есть нормальный академический подход профессиональных людей к своему искусству. Театры Берлина если и озабочены коммерцией, то эта озабоченность умело скрыта. Покрывать расходы даже двухсотмарочными билетами невозможно. Детские спектакли специальной программы подготовки будущих зрителей (существует и такая!) идут и вовсе за 15 марок. Государственные дотации огромны, казна не жалеет затрат, спонсоры понимают, что есть что в искусстве, и это одна из главных прозаических причин того, что Берлин быстро становится музыкальным центром Европы. На его повседневных афишах

самые громкие исполнительские имена (только в июне и только в Дойче опер — Дженет Уильямс, Маргарет Прайс, Галина Горчакова, которая еще вчера покоряла Москву в свердловском «Обручении в монастыре», а теперь легендарная дива мировой сцены). Причем это повседневность: залы полны, но без истерического ажиотажа «сейчас или никогда!». И Паваротти съезжает не раз в столетие, и Риччарелли. Последняя премьера сезона в Штаатсопер — «Паяцы» и «Сельская честь» — собралась в один вечер, кроме упомянутого Сергея Ларина, английскую диву Розалинд Плаурайт, сопрано из Метрополитен Каллен Эсперьян, болгарина Евгения Демерджиева, звезду Мюнхена и Мадрида итальянца Брюно Пола и фантастического, павароттиевского масштаба (и голос, и габариты) Йохана Боту в партии Туриду. За пультом стоял Антонио Паппано; режиссер Кейт Уорнер сумел объединить две одноактные оперы единой мыслью о власти жестокой, охочей до кровавых зрелищ толпы, и грандиозный, многолюдный, динамичный, артистичный, мощный хор Штаатсопер был ему союзник. Насквозь знакомые «шлягерные» оперы зазвучали так ново и остро, что неожиданно стали для меня самым ярким впечатлением последних лет.

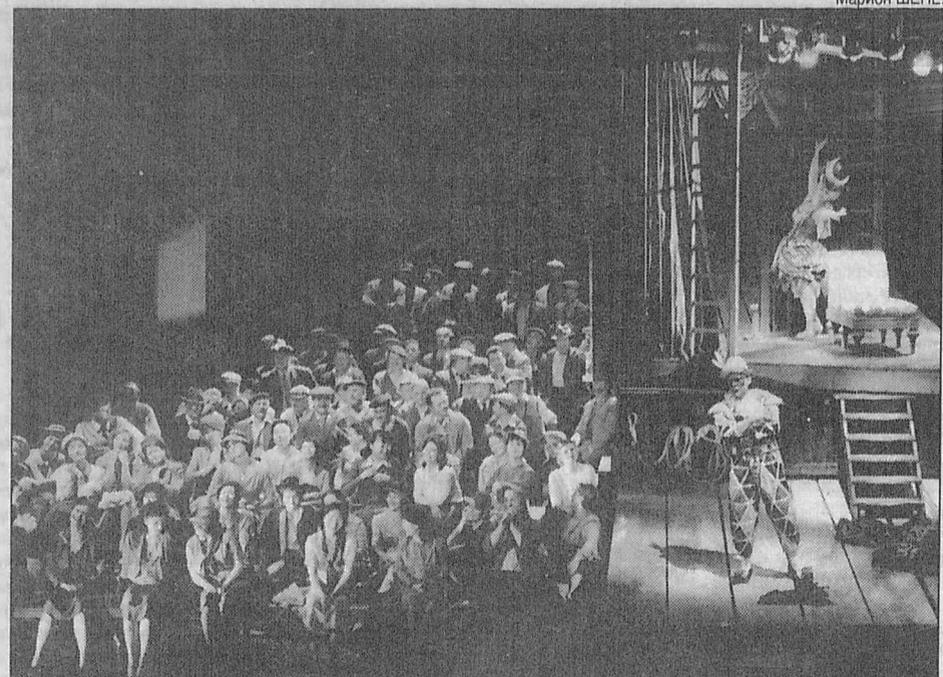
Опера в Берлине ощущает себя не костюмированным концертом, а театром. Сценическая реальность разрушает все ожидания, наработанные годами общения с вампукой. Ре-

как способ общения с массой. Толпой умело манипулируют беззастенчивые и циничные дельцы, и вся эта история с злобной истерической принцессой — всего лишь изобретенный ими способ пудрить мозги...

Надо было приехать в Берлин и для того, чтобы вспомнить о предстоящем мировом юбилее, о подготовке к которому в Москве отчего-то пока не слышно.

«...Взволнованное ожидание переполняло роскошный дом Джакомо Корси во Флоренции. Во время карнавала 1597 года здесь должны были показать драму Оттавио Ринуччини и Джакомо Пери «Дафна», предполагалось, что она возродит античные традиции драматических представлений. Но в этот день родилось нечто новое, то, чему суждено было стать главным искусством предстоящих веков, — опера».

Это из журнала театра Штаатсопер «Виваче». В сезон 400-летия оперы в Берлине пройдет впечатляющий парад ее бурной истории. «Дафна» не сохранилась, но уже вторая опера тех же авторов «Эвридика» будет показана 4 и 5 февраля в концертном исполнении (дирижер Рене Якобс). Грандиозно задуманная панорама включит все эпохи, жанры и направления мировой оперы — ее флорентийское детство и венецианский расцвет XVII века, барочную оперу и классицизм XVIII (Глюк, Гассманн, Телеман, Гендель с его ораториями), романтизм и наши дни. Флотов, Джордано, Энеску, Беллини, Чайковский, Яначек, Шостакович, Марион ШЕНЕ.

«Паяцы» Леонкавалло — премьера в Штаатсопер

жиссерские концепции чаще всего неожиданны, иногда шокируют, иногда пленяют, хрестоматийнейшие оперы озадачивают новыми поворотами и смыслами. «Турандот» у Гетца Фридриха абсолютно лишена пряминой экзотики восточной сказки и включила в себя мотивы брехтовского «Доброго человека из Сезуана» и даже «Потомка Чингис-хана» Пудовкина. Ее главным героем стала безликая толпа морлоков, то покорных, то бунтующих и размахивающих дацзыбао, ее главным приемом — театр в театре жизни, скрывающая лицо маска

Римский-Корсаков, Шенберг, Зуппе, Барток, Мусоргский, Хампердинк, Чимароза, Берг, почти полный Вагнер, редко идущий Россиянин... — и без того необычайно обширный репертуар грех ведущих оперных сцен Берлина включит множество раритетов мировой и национальной оперы, для исполнения которых сюда придут первые певцы планеты.

Нам бы их заботы.